

Анатолий Вершинский

Родовая память

Лестница

Красота земная—на виду
и для всех доступна одинаково.
Торгаши́нской лестницей иду,
точно райской лествицей Иакова.

За море, земляк, не торопись
к модным турам с джипами и гидами:
тысяча шестьсот ступеней ввысь—
пеший трек с открыточными видами.

Скалы Торгашинского хребта
вытянулись гребнями зубчатыми.
Склон окрашен в пёстрые цвета,
сдобрен травяными ароматами.

Ясен день—и очень далеко
видно с высоты полёта птичьего.
Чем не место силы? Нелегко
было бы без лестницы достичь его...

Кто держал по козым тропам путь
и в палатке жить привык по месяцу,
вряд ли пожелает помянуть
лестным словом эту чудо-лестницу.

Сбросить бы десятка два годков—
я бы сам петлял тропой над бездною,
но сегодня, право, не готов
пренебречь подручницей железною.

Радуются ей и стар и млад,
вверх идя ажурными пролётами.
Где же, как не здесь, насытить взгляд
редкостными горными красотами?

Здесь вольней и глубже дышит грудь,
сдавленная бытом, будто латами.
Люди здесь—не ангелы отнюдь—
чувствуют себя в душе крылатыми.

Путь барса

Из южных в северные страны,
где гуще травы и дожди,
пришли, кочуя, рухс-аланы¹
с эмблемой барса на груди.

Они славянам имя дали,
усвоив речь их и закон,
и зваться русичами стали
потомки слившихся племён.

Европа лезет вон из кожи,
стремясь разъять наш общий стан,
но барсы гербовые схожи
у осетин и псковитян.

И у татар, и у хакасов
на геральдических щитах
мы видим барсов—тех окрасов,
какие помнят в их местах.

У нас—при всех чертах несходных,
стирать которые нельзя,—
у всех народов, братьев сводных,
одна судьба, одна стезя.

И коли с нечистью вживую
столкнуться выпало в пути,
окликни память родовую,
преданья пращуров прочти.

Придут на помощь без отказа,
лишь честь по чести попроси,
и нарты—витязи Кавказа,
и храбры—воины Руси.

И православные святые,
и чудотворцы вер иных
помогут ратникам России,
как помогли предкам их.

Кто телом слаб—творит молитву,
кто трус—бежит за Верхний Ларс,
а храбреца ведёт на битву
оживший в яром сердце барс.

1. Аланы—ираноязычные кочевые племена скифо-сарматского происхождения. Рухс-аланы («светлые аланы») — одно из сармато-аланских племён.

Речная страна

Как здорово, что рек в России много!
(И волокы не худо помянуть.)
Река зимою—санная дорога,
а летнею порою—водный путь.

Живущие у рек уловом сыты.
Когда же деревням грозит набег,
то нету для селян верней защиты,
чем город на мысу—на стрелке рек.

Речные воды с двух сторон детинца,
а с третьей—крутобрежный водный ров
задержат и тевтонца, и ордынца.
Так строилась Москва, а прежде—Псков.

И Новгород на Волге, сиречь Нижний,
и многие другие города,
от центра до которых—свет не ближний,
ведь прямо не всегда течёт вода.

Дорогою, то зыбкою, то скользкой,
влекомые судьбой на край земли,
ватажники от пристани тобольской
где реками, где волоками шли.

Препон хватало русским Одиссеям...
Судите сами: из иртышских вод
приплыл на стрелку Качи с Енисеем
отряд казачий только через год.

Привёл дружину выходец из рода
владимирских владетельных бояр
Андрей Дубенский—первый воевода
острога под названьем Красный Яр.

Потомки удивляются доньне,
как выжили их пращурь в пути
и как им удалось в речной долине
за две недели крепость возвести.

Служилые с крестьянскою закваской
срубили прясла, башни по углам.
А ту, что в центре стен, назвали Спасской:
вверху—пищаль, внутри—церковный храм.

Не раз пальбой ружейной и картечной
встречал острог непрошенных гостей...
Прошли столетья. Дерево не вечно.
Пропал и след сибирских крепостей.

И там, где открывает шустрой Каче
широкие объятья Енисей,
сегодня место выглядит иначе:
высотки, мост, концертный зал, музей.

А в небе—сеть воздушных коридоров,
открытых всем со взлётной полосы...
У рек небесных свой и путь, и норы,
и плыть по ним не месяцы—часы.

Благовещение у колодца

*...И, взяв кувшин, пошла за водой;
и услышала: Радуйся, благодатная!
Господь с Тобою; благословенна
Ты между женами...*

Протоевангелие
Иакова. Глава XI

Ревнителю правил, судите без гнева
и мастеру вольность не ставьте на вид:
на мстёрской иконе Пречистая Дева
у сруба колодца с ведёрком стоит.
Как будто соседushка, ужин спроворив,
пришла за водою, оставив шитьё.
Хитон у Марии, как должно, лазорев;
как должно, бордов омофор у неё.
Иконный пейзаж канонично условен:
скалистые горки, лесок вдалеке.
Но этот колодец из тёсаных брёвен!
Но это ведро жестяное в руке!

Согласно Писанию, встретила дома
Мария архангела с вестью благой.
Нам эта история с детства знакома
из книги, написанной мудрым Лукой.
Но повесть иную поведал Иаков;
её не включили в церковный канон,
хоть этот апокриф по-своему знаков:
там корни у многих стихир и икон.
Быть может, и в ваших сердцах отзовётся
сумевший немало талантов увлечь
сюжет Благовещенья подле колодца:
колодец—первейшее место для встреч!

На мстёрской иконе—предвестие чуда:
и в жестах фигур, и в палитре самой.
Но сбудется чудо—помедлив, куда
Мария, опомнясь, вернётся домой...
Знаток палестинских святых и диковин,
естественно, спросит, прищурясь хитро:
а как же криница со срубом из брёвен
и странный сосуд—не кувшин, а ведро?
Отвечу: колодец до смертного часа
у нас почитается кладезем благой.
У Господа нашего, русского Спаса,
и Матушка—русская. Разве не так?

Дачники

Своею статью бесподобной
не спорил город, слишком пёстрый,
с деревней прежней, хлеборобной,
где были избы точно сёстры.

Дома резьбою красовались—
и пятистенки, и крестовый,
но красовались, не бахвались
перед соседями обновой.

Всяк дом жилой, каким бы старым
ни стал, не мог прийти в упадок.
Сторонке улицы недаром
народ названье дал: порядок.

И жить могли бы до сих пор мы
с родной природой заедино,
когда бы гиблые реформы
не гнали в город селянина...

Теперь село не то, что ране.
Дороги чистя от колдобин,
скупают землю горожане
и строят, кто на что способен.

Один мансарду к срубам лепит,
другой возводит сущий терем,
а третий—замок... Шок и трепет!
Глядим—своим глазам не верим.

Бывали виды и плачевней
в картине сельской, часто мрачной.
Но как же муторно деревне
не хлебодатной быть, а дачной!

Русский план

Летом и зимой, и в зной, и в холод,
льёт ли дождь, метёт ли снеговей,
бережно хранит Довмонтов город
древние фундаменты церквей.

Площадь крепостная—как пергамент:
знаки, что на нём, не вдруг прочтёшь.
А ведь каждый каменный фундамент
представляет, в сущности, чертёж.

Если знать пропорции строения,
вёдомые прежде мастерам,
этот план и должные уменья
воссоздать позволят павший храм.

От иных остались лишь названья...
Мы же ради блага, не со зла,
разрушали мир до основанья.
Но основу почва берегла.

Вестники безбожного эдема
русский план марали как могли.
Но крестово-купольная схема
проступала из самой земли.

Зодческая практика упряма—
всем пора бы выучить на ять:
на камнях разрушенного храма
храму лишь по силам устоять.

Много из наследства праотцова
мы продули, сбитые с пути.
Но осталась прочная основа.
Надо только стены возвести.